

Если задать вопрос коломнятинам (так называли жителей города Коломны в документах середины XVIII века): «Кто такой Ян Грунт?», то в лучшем случае услышим: «Есть же улица Яна Грунта в Старом городе!» В редких случаях люди вспомнят про **первого комиссара города Коломны Яна Яновича Грунта**. И совсем никто не скажет, что был такой революционный поэт-любитель Ян Грунт.

Название статьи в точности повторяет название книжки стихов Грунта. Она была издана в Коломне Кооперативным книжным и писчебумажным магазином (бывший «Социал-Демократ») и напечатана в типографии Советской Республики № 1 в 1918 году. Книжка небольшого формата А6 (половина формата А5, то есть в половину обычной школьной тетради). Обложка из твёрдого картона розового цвета с подзаголовком: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Цена книжки — 1 рубль. Количество страниц — 96.

Прежде, чем мы начнём знакомиться со стихами Грунта, необходимо рассказать о жизни их автора до 1918 года. Дело в том, что в его сборнике имеются опечатки и неточности в датировках стихов. Две ошибки в датировке выявляются сразу: вместо «15 июня 1917 года Моск. центр. перес. тюрьма» и «6 ноября 1917 года Моск. центр. перес. тюрьма» следует читать «1916 года». И вот почему. 1 марта 1917 года Грунт был освобождён из Московского каторжного центра (Бутырки, Московская центральная пересыльная тюрьма). 11 мар-

та получил справку об освобождении, а 22 апреля — 75 рублей дорожных денег¹. И сразу же послан в Коломну от Московского Окружного комитета РСДРП(б) для организации в нашем городе и уезде (по современному значению — районе) коммунистической ячейки². В тюрьму в 1917 году он больше не попадал. 25 октября 1917 года Грунт как Председатель Коломенского уездного комитета партии провозгласил победу Советской власти в Коломне и был избран комиссаром города и уезда.

В целом биографией видного революционера никто не занимался по объективным причинам. Семья неохотно рассказывала о нём. А архивы засекретили личные дела комиссара. Сегодня с большей частью архивных материалов можно ознакомиться, но только по 1940 год. Наш читатель имеет уникальный случай впервые увидеть фотографии 21-летнего революционера и впервые прочитать неизвестные факты из биографии Грунта.

Ян-Альфред Янов Грунт (так писалась первоначально его фамилия) родился 15 апреля 1892 года по старому стилю в семье крестьянина в Кокенской волости Вольмарского уезда³ или в самом городе Вольмар-е⁴. Теперь это город Валмиера в Латвии. Население Вольмарского уезда составляли в то время практически одни латыши-крестьяне. Поэтому и Грунт — латыш по национальности. В одной из автобиографий писал про отца, что тот арендовал казённое помещение⁵, в другой — уточнял, что отец занимался торговлей и был арендатором крупного казённого имения⁶. С отцом и мачехой Ян порвал всякие отношения в 1907 году из-за «своей работы в партии» (Латвийской социал-демократической рабочей партии). Переломное время в судьбе Грунта — 14–15-летний возраст. В семье он прожил до 15-ти лет⁷. Тогда же поступил учиться в Вольмарское городское училище и гимназию⁸. По другим данным, учился только в Вольмарском городском училище⁹. Экзамены на аттестат зрелости сдал в 1914 году, то есть среднее образование получил в 22 года. Чтобы понять, как он учился, обратимся к архивным справкам:

«7 июля 1907 года начальник Лифляндского Губернского Жандармского Управления уведомил Департамент полиции, что 14 июня 1907 года в городе Вольмаре городовым задержан 14-летний Грунт Ян Янович, у которого в кармане найдено 3 экземпляра журналов на латинском [латышском — В. К.] языке «ЦИНЯ» («Борьба»), за что и отдан под особый надзор полиции в городе Вольмаре.

¹ ГА РФ Ф. 539 «Комиссия по установлению персональных пенсий при Союзе Министров РСФСР», оп. 4, д. 7976 «Грунт Ян Янович», л. 71.

² ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, лл. 69, 69 об, 76, 76 об, 77.

³ ГА РФ ф. 533 «Архив Всесоюзного Общества бывших политкаторжан», оп. 2, д. 539 «Грунт Ян Янович», л. 7.

⁴ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 58.

⁵ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 76.

⁶ ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 3.

⁷ Там же.

⁸ ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 3.

⁹ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 76.

10 августа 1907 года начальник Лифляндского ГЖУ сообщил Департаменту полиции, что 28 июля 1907 года в городе Вольмаре арестован Грунт Я. Я., обыском обнаружено 5 экземпляров прокламаций «Латышской социал-демократии», преступного содержания, возбуждающих к ниспровержению существующего строя в России, за что и привлечён к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном по статье 126 Уголовного Уложения»¹⁰.

Имел в то время партийную кличку **Мазайс**¹¹. Провёл год в вольмарской уездной тюрьме. После этого в сентябре 1908 года Военно-окружной суд в городе Ревеле признал Грунта виновным за принадлежность к ЛСДРП(б) и приговорил к пяти годам каторги. Ввиду малолетства приговор ему был смягчён, и вместо каторги юный бунтарь отправился в «воспитательно-исправительное заведение до достижения 21 года, либо в особо приспособленное для несовершеннолетних помещение при тюрьме, или арестном доме»¹². *Вместе с ним по делу проходили Я. Калнин, Элиас, брат Фёдор, Цалит и другие. «Брат Фёдор» — это родной брат Яна Грунта Фёдор Янович, старше его на 4 года. Расстрелян в Хабаровске в 1939 году.*

Во время суда Ян Грунт «отрицал свою принадлежность к партии и знакомство с другими обвиняемыми и о найденных у него прокламациях показывал, что он их часть нашёл, частью получил от неизвестного лица, поручившего передать их тому, кто их спросит»¹³. Находясь в тюрьме, Грунт 25 августа 1909 года обращался с прошением к военному министру о пересмотре его дела. Но прошение было проигнорировано. Чему свидетельством — отсутствие в архивах каких-либо Всеподданейших прошений в отношении нашего арестанта, проходивших через Главное Военно-Судное Управление¹⁴.

В последних числах декабря 1911 года Грунт отбыл наказание в одиночном корпусе Бутырской тюрьмы в Москве. Вновь оказался в родном Вольмаре, откуда, навсегда оставив родительский дом, в апреле уехал в Ригу. За короткое время нахождения на воле успел поработать в ЛСДРП(б) в качестве агитатора-организатора и имел новую партийную кличку — **Погис**. Состоял членом общества трезвости и членом профсоюза строителей рабочих, устроился работать маляром. 9 января 1913 года в Риге была запланирована демонстрация по случаю очередной годовщины памяти расстрела рабочих у Зимнего дворца в Санкт-Петербурге (в 1905 году). Прямо на улице его вновь арестовали и административным порядком, то есть без решения суда, что было в то время очень распространено, выслали на 3 года в Нарымский край¹⁵. Читатель имеет уникальную возможность впервые посмотреть на фото молодого Грунта из дела № 17/1913 Рижского Губернского Жандармского Управления и узнать его дактилоскопические и антропометрические

¹⁰ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 58–58 об.

¹¹ ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 1.

¹² ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 7.

¹⁵ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 76, 76 об.

*Арестованный Ян Грунт в Лифляндском губернском жандармском управлении.
Профиль и анфас. 12 января 1913 г.*

показатели. Одежда на Грунте та же, что была при аресте. Свои грязные и рваные ботинки он успел привести в порядок у чистильщика сапог на улице, чтобы отвлечь от себя внимание охранки. Но не помогло.

В ссылке Грунт познакомился с социал-демократкой, политической ссыльной Зеливинской (Зелевинской) Софьей Абрамовной, которая стала его женой. В 1914 году они вместе бежали из Нарымского края в Москву. В Прибалтике им было опасно появляться. Там, наверное, уже все полицейские знали революционера в лицо. В Москве он жил под ложными фамилиями В. С. Тимошенко, М. Е. Шефлера, М. И. Шерера. В Москве несложно было затеряться. Он поступил учиться в Петровскую сельхозакадемию (не окончил), организовал там при столовой студенческий кооператив. Создал так называемую «Тверскую группу РСДРП(б)», состоявшую из земляков Грунта. Почему «Тверскую»? Чтобы думали, будто именно там живут революционеры, и не искали их в Москве. «У себя на даче» в Петровско-Разумовском в августе или сентябре (данные разнятся по автобиографиям самого Грунта) 1915 года Грунт был арестован вместе с другими подпольщиками-революционерами. При аресте они попались с поличным. На даче нашли типографию с только что отпечатанными несколькими тысячами экземпляров воззваний по поводу расстрела рабочих в Иваново-Вознесенске. 16 декабря 1915 года приговором Московской судебной палаты был осуждён по 1 части статьи 102 Уголовного Уложения на 4 года каторжных работ. Приговор вступил в силу 18 апреля 1916 года. Освободили из тюрьмы Грунта 1 марта 1917 года. Сидел он в основном в Бутырках, в Москве. Там познакомился с Рудзутаком Яном Эрнестовичем, латышом, осуждённым на 10 лет каторги (расстрелян в 1937 году). Надо отметить, что со многими революционерами-латышами, с которыми Ян Янович участвовал в противоправной политической деятельности или познакомился в тюрьме, он поддерживал отношения и в дальнейшем. Более того, эти люди были поручителями при общественных проверках 20-х–30-х годов.

*Ян Грунт во дворе жандармского Управления в Риге.
12 января 1913 г.*

В тюрьме, занимаясь самообразованием, Ян Янович увлёкся писанием стихов. Переосмысливая свою жизнь, тайком, соблюдая все правила конспирации, писал огрызками карандашей на клочках бумажек. Видимо, тогда пробудилась творческая составляющая натуры Грунта, которая не оставила его до конца дней. В Коломне он создал и редактировал журнал «Большевик», хотя журналом его назвать очень сложно. Газетного формата, в 4 страницы (!). В Российской Государственной библиотеке (им. Ленина), в отделе редкой книги хранится несколько номеров журнала, и любой желающий может с ними ознакомиться. Редактировал первый комиссар Коломны и местную газету «Известия».

Теперь, имея представление о том, как складывалась жизнь Грунта до выхода сборника его стихов, можно перейти к собственному творчеству Яна Яновича.

Сборник делится на 4 части, каждая из которых имеет свой заголовок: «Отчаяние», «Тоска», «Надежда», «Буря», «Каторга». Несмотря на существующие общие положения содержания заключённых, в каждом каторжном центре начальство устанавливало свои порядки. Вот примерный распорядок дня по инструкции: «День арестанта начинался в 6 часов утра с поверки по камерам. После этого следовал утренний туалет, а затем «поочерёдно небольшими партиями» заключённых выпускали «в отхожие места». Утренний чай с ржаным хлебом пили в 8 часов утра, после чего каторжан вводили на работу. Свободные от работы возвращались в камеры и до утренней прогулки занимались своими делами. Расписание прогулок составлялось непосредственно тюремной администрацией с таким расчётом, чтобы все заключённые могли пользоваться ими ежедневно в пределах от 10 минут до получаса. Обед начинался в 12 часов, ужин — в 6 часов вечера, затем следовала уборка камер, после которой непосредственно в камеры приносили кипяток. По окончании вечерней поверки и предусматриваемого инструкциями ежедневного обыска, в 9 часов, арестанты ложились спать. «Общая тюремная инструкция» на сон отводила арестантам от 7 до 8 часов в сутки». «В целом, тюремный быт отличался однообразием, что тяжело сказывалось на психическом состоянии заключённых»¹⁶.

* * *

Вокруг тюрьмы горят огни,
Шагает часовой...
Невесело горят они.
Как мне и им со мной

¹⁶ http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1031.

Сгореть до утренней зари...
Жизнь тусклая моя,
До утра раннего сгори,
А там угасну я,
Как ты, огонь, вокруг тюрьмы.

Слегли волнени
Среди туманной ночи тьмы.
Хожу в унынии
Средь тишины тюрьмы ночной.

Мне ничего не жаль,
Мне хорошо с тоской моей;
Я вижу смерти даль.

Горю я медленно... Скорей
Сгореть хочу я лишь;
Холодный мрак, сжимай сильней,
Зачем со мной стоишь?

В тюрьме царит тяжёлый сон!
Лишь изредка среди тьмы
Я слышу тяжкий горя стон,
Он нарушает тишь тюрьмы.

Бледней кругом тюрьмы огни,
Бледней лицо моё...
Настанут скоро света дни,
Возьмут они своё
Желанье в жизни брэнной сей.

А я совсем к утру
Сгорю всем телом и душой,
Мне не видать зарю.

Гори скорей, огонь души!
Бледней тюрьмы огонь...
Искру горящую туши,
Грядущий счастья день.

(25 августа 1916 года, моск. центр. перес. тюрьма).

Всего 10 стихов в части «Отчаяние». Все стихи пронизаны чувствами приближающейся смерти, желания умереть, душевной и физической болью. «Я жить хочу», но «боюсь, что смерть меня возьмёт во цвете юных лет...».

В 15 лет Грунт разорвал отношения с семьёй. На каторге, закованный в ножные кандалы, «вспомнил мать свою родную, исхудалую, больную; слёзы на глазах дрожали, губы ласково шептали мне привет и одобренье». «И что мать с небес родная, исхудалая, больная, на меня глядит с любовью.

Но порою страшной болью я обнять хочу родную, и на грудь её больную лоб горячий и усталый приклонить без думы единой...»

И Бога вспомнит неожиданно, хоть и всеу: «С песней тихой и печальной / Ангел нежный к нам летит. / Дай послушаю — кандалный / Звон опять в ушах звенит. / Тише, тише, ради Бога! / Эй, кого вы бьёте там? / Ты гляди, гляди с порога: / Ангел смерти лезет к нам».

Каторжная революционная песнь — явление нередкое. Писали многие. Но не всем удавалось вынести свои творческие записи на волю. Грунт пишет зачастую нескладно, но он всё-таки самородок. Самообразованием продолжал заниматься в тюрьмах и ссылке. Общение с революционерами, чтение таких революционных поэтов, как Пётр Филиппович Якубович (Мельшин), оказывали огромное влияние на него. Не случайно в качестве эпиграфа или мотто (краткий эпиграф) к первой части своего сборника Грунт вставляет стихотворение Якубовича. Чем был обусловлен выбор этого поэта? Народоволец Якубович (Мельшин) был приговорён к смертной казни. Её заменили на 18 лет тяжёлых каторжных работ. После освобождения написал самую известную свою книгу «В мире отверженных». Она является классикой тюремного жанра в русской литературе. После событий 1905 года написал стихотворение «Красный снег», которое долгое время в советских школах было обязательным к изучению. Вот такую песнь написал Грунт:

* * *

Из-за туч, солнце, луч
Пропусти в темницу,
Чтоб согрел мой удел,
Горя вереницу.

Счастья нет; гаснет свет;
Кандалы с тоскою
Ноги бьют и поют,
Плачутся со мною.

Гаснут дни и огни...
Темнота ночная
Давит, гнёт и растёт,
В сердце заползая.

Жизни сон в тяжкий стон,
Надрываясь, льётся...
Сил уж нет; гаснет свет;
Сердце тяжело бьётся...

Из-за туч, солнце, луч
Пропусти в темницу,
Чтоб согрел мой удел,
Горя вереницу...

Вторая часть сборника — «Тоска». Предваряет 12 стихов эпиграф из знаменитого стихотворения А. С. Пушкина «Сижу за решёткой в темнице сырой», очень точно передающий настроение этой части. Через 20 лет Анна Ахматова точно охарактеризует тремя строками это чувство: «Но крепки тюремные затворы, / А за ними “каторжные норы” / И смертельная тоска». У Грунта безысходностью пронизано каждое его творение. В первом же стихотворении «Прожитый век» он обращается ко всем «уставшим в битве роковой» и ко всем павшим под ударами судьбы. Среди уставших — и жена Грунта. Случайно он узнал, что она находится в этой же тюрьме. Мельком увидел её во дворе для прогулок. Он думал, что ей удалось скрыться вместе с новорождённым сыном Александром (будущим знаменитым и авторитетным советским историком А. Я. Грунтом). Но увы... «На дворе моросил холодный дождь, в камеру проникала неприятная сырость, и на моей душе стало серо, сыро и мрачно», — писал позже Грунт в своих мемуарах «Годы борьбы».

* * *

За тебя, мой друг унылый,
Целый день душа болит.
Сквозь решётки свет вечерний
На меня с тоской глядит.
Я проснулся утром рано
И подумал: в этот день
Родилась ты для жизни...
А теперь в тюрьме, как тень
Бродишь ты в свой день рожденья,
Проклиная, может быть,
Смысл жестокого страданья;
Ты не хочешь больше жить,
А на сердце тьма ночная...
Мне так хочется помочь,
Укрепить твой дух, родная,
Но ещё царевна-ночь
Держит крепко наши руки,
Кандалы на них звенят
И в сей день с тобой разлуки
Унижаться нам велят.
Но, родная, царство ночи,
Как во сне сменится днём,
И зажгутся наши очи
Ярким счастья огоньком.
Верь, родная, после бури
Ярче солнышко блеснит,
После горя и неволи
Счастье, воля загремит,
Будешь ты опять со мною
И, как прежде, в этот день,
Помнишь ли порой ночью,

Пробираясь, как тень,
Я принёс тебе подарки,
Пред тобою положил;
И цветы были так ярки,
Аромат от них кружил, —
Ты спала, совсем не зная,
Что проснёшься вся в цветах,
Солнца луч, кругом играя,
Отразится в волосах.

Подожди ещё, родная,
Спи, усни, не долго спать!
Верь, пройдёт пора ночная,
Скоро станет разсветать.

(Моск. центр. перес. тюрьма, 3 февраля 1917 года).

Телесные наказания к политическим в Бутырках применяли не часто. Достаточно было карцера. Во время отбывания каторги Грунтом режим в Бутырках ужесточили. Голодовки каторжан не имели никакого эффекта. Были лишь напрасные смерти. И вдруг за самовольное бритьё бород заключённых стали публично жестоко избивать, за малейшую провинность могли избить, высечь розгами, бросить на максимальный 30-дневный срок в карцер. Очень многие каторжане перестали сопротивляться. «Одиночки переполнены усталыми каторжанами, потерявшими веру в свои силы и в свои человеческие права», — вспоминал Грунт.

* * *

В мёртвой тишине,
В чёрной глубине
Могилы роют...
Тени ложатся,
Зачем трудятся,
Что они строят?..
Руки устали.
В работе стали, —
Слышен мёртвых стон.
Грозно раздался,
Гулко отдался
В казематах звон
Цепей ужасных
Призраков красных...
В работе стали, —
Руки немеют
И холодеют, —
Так мы устали!..
Труд наш кровавый,
В сердцах не правый

Вольно кружится,
Тьмою ужасной,
Мглою ненастной
Грузно ложится!..

(15 октября 1916 года, моск. центр. перес. тюрьма).

Третья часть сборника — «**Надежда**» — включает 5 стихов. Предваряет их эпиграф из стихотворения популярного в народе поэта И. С. Никитина, произведения которого любили народовольцы. Три стиха из этой части Грунт адресовал своей жене. Любовь к ней питала его душевные силы. Он надеялся, таким образом, что и сам выживет, и молясь за неё, поможет ей:

* * *

Ещё б мне хотелось с молитвою жаркой
Упасть на колени и страстно молить:
«Судьба роковая, рукою ужасной
Зачем тебе хочется Русь погубить?..
Посевы несчастья ногой раздавивши,
Дай силу, свободу и счастье, Любовь,
И Русь дорогую за сонность простивши,
Сними с нея тяжкий неправды покров!..»

* * *

Прости, мой ангел, добрый гений,
Что я унылым слабым стал,
Что грудь терзает червь сомнений
И улыбаться перестал.
Прости! и не гляди уныло
На очи тусклые мои, —
Придёт весна, и снова смело
Зажгутся радостью они.

(Моск. центр. пересыл. тюрьма, 5 июня 1916 года).

Последняя часть сборника Грунта, «**Буря**», состоит из 14 стихотворений, три из которых — перевод с латышского знаменитого Яна Райниса. Опять же эта часть, как и все предыдущие, предварена строками из стихотворения С. Надсона — одного из популярных поэтов 80-х годов XIX века, в раннем творчестве которого звучали отголоски народнических настроений.

Самое большое стихотворение в этой части и вообще в сборнике — «К С-е...» (то есть, «К Софье» — В. К.), посвящено жене. Оно описывает, как увидел Грунт свою жену в Бутырках, как встретился с ней взглядом, свои чувства бессилия, злобы, ненависти, отчаяния. Автор

описывает бурю чувств, но в этом стихе нет ни слова про бурю революции. В других стихах этой части также не всегда понятно, о какой буре говорит автор.

* * *

Стремятся люди к идеалу,
К заветной цели всяк своей
И часто молятся Ваалу,
Как будто счастье в доле сей.
Кто век трудится для кумира
И прокликает всё и всех,
В устах кровавого вампира
Звучит противный злости смех.
Кто век печалась достигает
В конце концов желанну цель,
Но вдруг безцельно умирает, —
Нет слёз, и умерла печаль.
В надежде славы и свободы
Мы цепи тяжкие влачим,
Зовём на бой свои народы,
Но те молчат, и мы молчим
Стремленья к чёрту или богу,
Влекут страдания с собой,
И все идём на ту дорогу,
Где смерть нас ждёт с косою тупой.

(29 июня 1916 года, моск. центр. перес. тюрьма).

Вера в то, что революционное дело не умрёт, что знамя революции подхватят другие и довершат начатое, даже если многие из каторжан не доживут, не покидала большевиков-арестантов. «Неотвязчивая мысль о свободе, о лучшей жизни засела в голове и не давала возможности сомкнуть глаза». «В это время как-то и остальная публика начала чувствовать себя увереннее, момент беспрекословного подчинения прошёл, и стали проявляться признаки возможной бури», — писал Грунт.

* * *

ЗАРЯ

В сердцах угнетённых
И порабощённых
Вспыхнула заря!
На смерть осуждённым,
В тюрьмах заключённым, —
Правдою горя, —
Двери отворили,
К бою нарядили

За свободу-мать!
Трубы заиграли,
Песни застонали,
Легче им дышать!
Битва разгорелась,
Утро раскраснелось,
Бой всюду кипит!
Всё мгновенно сбылось,
Что весь век нам снилось.
Радостью горит.
Сердца угнетённых
И порабождённых, —
Правый суд творит!..

* * *

МЫ НЕ СДАДИМСЯ

Мы не сдадимся вам, тираны,
И на поклон к вам не пойдём,
Терзайте, жгите наши раны, —
В ответ мы громко песнь споём:
«Вперёд, друзья, на бой кровавый,
Вперёд, вперёд на смертный бой,
В бою не страшен враг презренный
Своею подлою душой!»

*(Моск. центр. перес. тюрьма, 1 января 1916 года
[на самом деле следует читать: «1917 года»]).*

Жизнь Яна Яновича Грунта, его творчество частью общества воспринимаются крайне негативно. На него навешивают ярлыки тирана, палача, убийцы. Отношение к людям очень часто не бывает однозначным. Те, кто критикует сегодня большевиков и нынешнюю власть, могут оказаться когда-то на пьедестале героя или на позорном столбе. Всё зависит от идеологии, политических взглядов, духовного состояния человека или общества. Мне удалось доказать, что Грунт спас двух великих русских писателей — Бориса Пильняка и Евгения Чирикова — от расстрела в 1918 году. «По плодам их узнаете их»...